

Жажда жизни

Горячий чай. Без сахара — с горчинкой.
На полчаса забыла о делах.
Ладощку вверх. Пчела под ритмы Стинга
в окно метнулась. Ну ее! В слезах
во весь экран лицо из сериала —
безудержна красotka.
Сыплет дождь.
И не поймешь, чего же в чае мало —
заварки или...
Во дворе галдеж,
соседки на скамейке под навесом
затеяли свой разговор "про жизнь"...
О прочности вселенского замеса,
в котором дрожжи — правильная мысль.
А мысль проста: "на полную катушку"
без жажды не живется. Никогда...
На небе — Солнца тоненькие стружки
и темные жирафы-облака.

Слова, слова. Их букочки на крыше,
на подоконнике.
Крутой вираж —
опять пчела. Меня она не слышит.
Во весь экран —
стритрейсеры, форсаж.
Вот умница Удача в бесов покер
взглянула. Что за шулерский расклад!
Вот кто-то карту меченую "джокер"
в корзину бросил. И обману рад.
Визг тормозов, стоп-кадр.
Чьи-то жизни —
в обмен на право картой быть в игре...
"Полет шмеля". На поминальной тризне
скорбят друзья. В ушедшем сентябре...

Сорочий стрекот. За окном веселье —
по лужам вдаль кораблики плывут.
На ветке клена сложное плетенье —
соткал свой домик крохотный паук.
Жует мальчишка яблоко Ньютона,
а, впрочем, просто яблоневого плод,
и что ему всемирные законы,
пока без шишек загорелый лоб.
Как ребячьи заливиисто хохочет!
На улице смешная чехарда.
Еще дожди предсказывают к ночи
синоптики.
Вода, вода. Вода...

Некрепкий чай. Но почему с горчинкой?
Давно остыл. А в чашке — тихий звук.
Пчела за право жить на малом ринге
в последний раз очерчивает круг.
Всего лишь миг. Нелепые потуги.
И силы на исходе. Вот беда.
Агония.
Протягиваю руки...
Давай-ка, бестолковая, сюда!
Теперь на блюде глушенькая пчелка.
Живая. Ошалелая, жужжит...
По телевизору вещают громко
о странностях француженки Бриджит,
о жажде знаний новых пилигримов,
о том, что цифры — двадцать два на семь
с погрешностью, но все-таки делимы,
о том, что пить необходимо всем...

Обрывки фраз. Монтаж получасовый.
И... страстное желанье — жить
на всю катушку.
Заварю я снова
чай с бергамотом.
Запахи свежих...

Девять дней до черты

Жаркое лето в мягких бабушах
к шелковой кромке заката бредет.
Вновь дозревают сочные груши.
Гулко дудит на прощанье угод.

Трав изумрудных ситец веселый
блекнет.
От зноя — в ожогах поля.
Чайки над морем грустное соло.
В желтую сказку дороги пылят.

К царским чертогам осени строгой
девять, не десять приметных шагов.
Лето отбросит старую тогу
И...
обратится царицей веков.

Сердце ее любовью янтарной
снова наполнит младая заря.
Все впереди.
Не станут отравой
девять шагов до черты декабря...

Когда за окнами чернила ночи

Когда за окнами чернила ночи
впитают тополей нагих верхушки,
а лунный свет по-свойски, между прочим,
асфальт пометит серебристой стружкой;
когда секунда паутинкой мокрой
скользнет по неземному циферблату,
а Марса тело (темно-красной охрой)
на небе обозначится квадратом —
проснешься ты.

В сияньи хрупких альвов
тепло, небезнадежно, безупречно.
Под лязг щитов
и песню древних скальдов
на стол поставишь бабушкин подсвечник,
а рядом — правосудия зеркало.
Дым благовоний с примесью сандала
воскуришь к небесам...

Ворчит в часах безмозглая кукушка
под танец удлиняющейся тени.
Ей тягостно и непривычно душно —
смешенье запахов и песнопений.
Неведома ей ворожба славянки
над рукописью кельтского поэта.
Она кукует: ночь в простой огранке
сулит колдунье горести и беды.

Не слышишь ты.
Рябиновою водкой
кропишь страницы. Капли — злые слезы...
Ответа нет.
И на обличье кротком
в который раз — подобие угрозы
с отчаяньем безумным вперемешку..
И только Марс, как будто бы в насмешку,
Манит квадратом красным...

